

*BJESHKË* ‘ВЫСОКАЯ ГОРА С ЛЕТНИМ ПАСТБИЩЕМ;  
ЛЕТНЕЕ ПАСТБИЩЕ’ КАК ЭПИЧЕСКИЙ ЛОКУС БОГАТЫРЯ  
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКИХ АЛБАНСКИХ ПЕСЕН)

**Альвина Венедиктовна Жугра**

*Институт лингвистических исследований РАН  
(Санкт-Петербург)  
ajugra@rambler.ru*

Географическое пространство, в котором живут и действуют герои албанских эпических песен, обширно и разнообразно. Оно включает местность, называемую Краина (*Krahinë*), и находящиеся в ней селения Ютбина и Кладуша. Это «свой», безопасный мир. Противники богатырей — это жители некоего Королевства (*Krajlia*) с городами Сень, Задар, Лика и др. Это «чужой» мир, таящий угрозы и опасности. Между этими мирами располагается область, называемая *bjeshk|ë*, а ‘высокая гора / высокие горы с летним пастбищем’ (FGjSSh) и выступающая в эпосе как основное поле деятельности эпических героев. Пространственный словарь эпоса, при всех его жанрово обусловленных особенностях, имеет в целом ту же структуру, что и словарь волшебной сказки, разработанный на албанском материале Т. В. Цивьян (Цивьян 1975).

Для албанского эпоса *bjeshkë* является очень важным понятием, о чем свидетельствует не только высокая частотность употребления этой лексемы — 411 с/у на 20 000 стихов<sup>1</sup> — но и богатство с ней связанного содержания (грамматического, контекстуального, функционального). В данной статье *bjeshkë* анализируется как элемент пространственной картины эпического мира.

#### ГРАММАТИКА ТЕКСТА

Лексема *bjeshkë* представлена во всех падежных формах ед. и мн. числа — именит., род., дат., вин. и отл. В качестве предикатов при *bjeshkë* выступают глаголы разных семантических групп, общим числом 40 еди-

<sup>1</sup> Подсчет делался на основе сплошной выборки по публикации (Ерика). При цитировании примеров в скобках указываются номер песни и номера стихов.

ниц. В формах косвенных падежей *bjeshkë* может обозначать: при глаголах передвижения — латив, элатив, локатив, а также маршрут, при глаголах физического и психического воздействия (на кого-л., что-л.) — прямой объект, меняющийся под влиянием внешнего фактора, при глаголах, обозначающих виды человеческой деятельности, — место действия, при глаголах речи — адресат. В форме именительного падежа *bjeshkë* зафиксирована в сочетании с глаголами бытия и глаголами изменения внешнего и внутреннего состояния и обозначает субъект состояния.

Разнообразие контекстов, в которых представлена лексема *bjeshkë*, позволяет увидеть насыщенность этого понятия конкретными большими и малыми физическими «детальями», а также элементами растительного и животного мира. Так, *bjeshkë* обладают камнями и скалами, вершинами, перевалами, обрывами и пропастями, кручами и склонами, пещерами, каменными осыпями, источниками, ручьями, непроходимыми дебрями и лесными полянами, тенистыми местами для отдыха. Растительный мир *bjeshkë* представлен травами, буковыми и дубовыми лесами, кустарниками, животный мир представляют медведи, волки, вороны, кукушки, соловьи.

*Bjeshkë* как пространственный локус выступает в большинстве случаев без посессивной характеристики, т.е. принадлежность этих гор кому-л./чему-л. остается неопределенной. Тексты показывают, что горы располагаются рядом с селением Ютбина и хорошо известны эпическому герою. *Bjeshkë* видны из окна его дома, они расположены достаточно близко, поскольку звуки происходящих там сражений доносятся до слуха героя, а сами *bjeshkë* исхожены героем от края до края.

Наиболее типичная ситуация — герой выходит из своего селения Ютбина, поднимается в горы, совершает свои подвиги и возвращается с победой в Ютбину. Разнообразные лексические средства подчеркивают, что движение совершается именно вверх: *n'bjeshkë të nalta trimi ka dalë* 'на высокие горы вышел храбрец' (16: 3–4); *Nalt në bjeshkë trimat kur kanë dalë* 'Высоко в горы когда вышли храбрецы' (30: 146–147); *Kur ka dalë n'maje të bjeshkës, aty n'livade kurrkand s'ka gjetë* 'Когда вышел на вершину горы, / никого на лугу не нашел' (12: 196–197); *e ka marrë bjeshkën përjetë* 'поднялся на гору наверх' (1: 84), а также (9: 212); (12: 57, 109); (30: 145), (42: 118). Семиотически важная оппозиция *verx — низ* представлена подчеркнутым первым элементом, тогда как второй член оппозиции почти отсутствует. Победное возвращение в Ютбину предполагает, казалось бы, движение героя с гор вниз, но об этом сооб-

щается описательно: *kanë marrë rrugën qi çon për Jutbinë* ‘отправились по дороге, ведущей в Ютбину’ (24: 396); а также (6: 488), (12: 380) и др. Единственный случай эксплицитного выражения движения вниз обусловлен особой ситуацией: Муйо в глубокой печали, наказав осквернителя могилы Халили, *m’asht ulë bjeshkvet teposhhtë/ edhe në burg trimi ka shkue./ nji vjet zi po don per me majtë* ‘он спустился с гор вниз,/ и в темницу герой отправился, / целый год хочет траур держать’ (74: 178–180).

Зачем герой выходит в горы? Этому есть два объяснения: в сознании эпического героя предназначение *bjeshkë* — служить местом чествования и охоты, которые составляют его повседневные занятия, — такова его связанная с опасностями «будничная» жизнь. Это выражено эксплицитно, в том числе, в словах проклятия, когда герой хоронит своего брата-богатиря: — *Gjoe n’ket bjeshkë kurr mos e gjetët./ as mos dalët kurr çetë n’ket bjeshkë!* ‘Зверь на этой горе никогда пусть не найдется,/ пусть никогда дружина не выйдет на эту гору!’ (11: 14–15), а также (74: 22–25, 56–60). При этом охота, хотя и неоднократно упоминаемая, выступает скорее как фон событий, тогда как о чествовании, этом воинственном промысле богатирей, рассказывается подробно: где происходят поединки, с кем и почему. *Bjeshkë* часто является местом поединка: — *Ti qi je Arnaut Osmani./ je tuj m’pritë për mejdan në bjeshkë* ‘Ты, Арнаут Османи,/ жди меня на поединок на горе’ (12: 164–165); большие пещеры в горах оказываются местом укрытия героев от врагов или от гнева султана, горные родники с прозрачной водой становятся поворотным пунктом развития событий.

Горы хорошо освоены героями, здесь находится их главное богатство — прекрасные пастбища, на которые посягают соседи: *shkjetë* ‘славы’ и *maxharrë* ‘маджары’. Для того, чтобы возвратить эти пастбища, герой отправляется в горы с неприятелем *m’u pre* ‘сразиться’ (19: 149).

### ВJESHKË КАК САКРАЛЬНЫЙ ЛОКУС

Важнейшие моменты жизни героя связаны с *bjeshkë*: здесь он получает свою необыкновенную силу, здесь проходит испытания на выносливость и стойкость, наконец, здесь в горах он гибнет в бою и здесь же его хоронят.

Пастушонком Муйо целыми днями бродил по горам (7: 6), пока однажды не случилось ему успокоить двух плачущих младенцев, за что появившиеся вдруг две заны наделили его необыкновенной силой и стал он подобен горной зане (82: 131). Спор и соперничество между братьями

находят свое разрешение также на *bjeshkë*. Герои должны пройти испытание горами: кто дольше продержится без еды и питья, тот и больший богатырь (26: 122–125, 130; 41: 83–85; 84: 86–89; 101: 18–20). Если герой гибнет, а лучшая смерть — это смерть в бою, то хоронят его на *bjeshkë*, чтобы недруги не знали об этом и не осмелели (34). Здесь же хоронят и юного Омера, смерть которого также в некоторых песнях скрывают от матери, щадя ее сердце.

Сами горы проявляют себя в повествовании если не как «персонаж», то как в некоторой степени действующее лицо. Горы реагируют на действия героев, — когда Муйо издает резкий крик, *t'tana bjeshkët përiherë shungllojnë* (19: 179) 'все горы сразу с шумом сотрясаются'; когда ржет богатырский конь, то *të tanë bjeshka â tuj rrenue* (70: 42) 'вся гора разрушается'.

Горы опасны, там имеются обрывы и пропасти, там лавины с грохотом падают вниз, но горы «расположены» к нашим героям, они способны услышать мольбу Халиля — *me ma dejë krejt ata borë* 'растопить весь этот снег' (4: 136) и открыли герою путь через перевалы.

*Bjeshkë* известны героям во всех своих проявлениях и даже служат им своего рода ментальным ориентиром. Пытаясь понять, что означает увиденный Муйо зловещий сон, Халиль говорит: — *Shum-e ftoftë bjeshka po m'asht,/ qetash asht gjethi tue ra,/ ndoshta andrra s'kallxon gja* (22: 147–149) 'Очень холодной гора мне кажется,/ листва вот осыпается,/ может, сон ничего не значит'.

Подводя итог, отметим полифункциональность *bjeshkë* как одного из эпических локусов, в котором разворачивается (находит локализацию) целый ряд сюжетных ситуаций. Выезд в горы опасен для богатыря, поскольку *bjeshkë* — это пространство между «своим» и «чужим» миром, подобно тому, как в русской былине таким промежуточным, «недоосвоенным» пространством является поле (Неклюдов 2015: 94).

В то же время *bjeshkë* — это хорошо освоенная героями территория, это локус их повседневного бытия, здесь находятся их пастбища, здесь они охотятся, здесь отдыхают, здесь происходят важнейшие события их жизни. Все это побуждает героев считать *bjeshkë* «своей» землей, что проявляется не только в столкновениях с соседями-славами, но и в споре с занами<sup>2</sup>, когда Муйо отстаивает свое право быть хозяином: — *Për*

<sup>2</sup> Сложные отношения героев с занами в данной статье не рассматриваются. Возможно, в этом эпизоде отражается начало процесса эмансипации героической личности, отмеченный С. Ю. Неклюдовым в отношении богатырской сказки (Неклюдов 2015: 28).

*me këndue kush u tha në bjeshkë t'tua?/ Jo, kurkush veç Qeto Bashe Muja*  
 ‘Кто разрешил им петь на твоих горах?/ Никто другой, как только Чето  
 Баше Муѝа’ (65: 167–168).

#### БИБЛИОГРАФИЯ

- Неклюдов 2015 — Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015.
- Цивьян 1975 — Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. Сборник памяти В. Я. Проппа / Сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 191–213.
- Epika — Folklor shqiptar II. Epika legjendare. Vëll. I / Red. Z. Sako. Tiranë: Instituti i folklorit, 1966.
- FGjSSh — Fjalor i gjuhës së sotme shqipe / Kryered. A. Kostallari. Prishtinë: Rilindja, 1981.